

УДК 1 (430) (091) "17/18" : 1 (38) (091) "3"

А. С. Казеннов, И. Н. Мочалова

**Гегель о сократических школах:
место и значение сократиков в истории философии***

Сократики и сократические школы являются одним из малоизученных феноменов греческой философии. Цель данной статьи показать, какое место занимала философия сократиков в лекциях Гегеля по истории философии. Для этого рассматривается историко-философская концепция Гегеля, ее особенности раскрываются в контексте формирования в XVIII–XIX веках «критической истории философии» и философии истории философии. Показывается, как в историко-философской концепции Гегеля обосновывается необходимость выделения периода «от софистов до сократиков» в качестве необходимого и самостоятельного этапа развития греческой философии; раскрывается гегелевская оценка места сократиков и их значение как оригинальных мыслителей.

Socratic and the Socratic schools are one of the least studied phenomena of Greek philosophy. The purpose of this article is to show the place occupied by the philosophy of Socrates in Hegel's lectures on the history of philosophy. For this, Hegel's doctrine of the history of philosophy is considered; its features are revealed in the context of the formation in the 18th and 19th centuries of the “critical history of philosophy” and the philosophy of the history of philosophy. Hegel highlights the period “from the Sophists to the Socratics” as a necessary and independent stage in the development of Greek philosophy. The article demonstrates how this periodization is related to Hegel's approach towards history of philosophy. Hegel's evaluation of the place of Socrates and their significance as original thinkers are revealed.

Ключевые слова: история античной философии, сократики, сократические школы, историко-философская концепция Гегеля.

Key words: History of Ancient Philosophy, the Socratics, Socratic schools, Hegel's doctrine of the history of philosophy.

*Каждая система в ходе всей истории философии
представляет собою особую ступень развития
и имеет свое определенное место, в котором
она обладает своей истинной ценностью и значением.
Гегель. Введение в историю философии.*

© Казеннов А. С., Мочалова И. Н., 2017

* Исследование И. Н. Мочаловой выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

Феномен так называемых сократических школ до недавнего времени мало привлекал внимание историков античной философии. Господствующее мнение о незначительности, второразрядности учеников Сократа как философов, недоверие к источникам имеющихся о них сведений, фрагментарность и немногочисленность оригинальных текстов этих мыслителей, делающая ненадежной и спорной любую их интерпретацию, стали основными, хотя и не единственными причинами такого отношения. Не последнюю роль в маргинализации сократической традиции в целом сыграли великие современники — Платон и Аристотель, труды которых определили магистральную линию развития философской мысли, утвержденную европейской историко-философской наукой в качестве единственной.

Начавшийся со второй половины XX в. пересмотр сложившихся оценок, еще недавно казавшихся незыблемыми, делает актуальным ретроспективный взгляд в прошлое, когда в начале XIX в. формировались основные подходы к истории философии, определялись цели и задачи историко-философских исследований.

Историко-философская концепция Гегеля

Вопрос о времени возникновения истории философии как самостоятельного раздела философского знания достаточно спорный. Однако трудно не согласиться с тем, что история у философии возникает с того момента, когда появляются первые философы, осознающие себя в качестве таковых и стремящиеся соотнести свое учение с учениями других: так формируются традиции и самоописания, и описания философских учений других мыслителей [10]. Насколько нам позволяют говорить сохранившиеся источники, Аристотель делает это наиболее последовательно. Важно то, что именно он первым предлагает в качестве критерия оценки философии предшественников свою собственную систему. Такой подход, ставший закономерным следствием телеологизма Аристотеля, на многие столетия определил историко-философскую практику: подлинный смысл исторического прошлого философского знания выявляется через сопоставление его с неким эталоном, в качестве которого, как правило, выступает система философа, пишущего его историю. Таким образом, в качестве историка философии выступает сам философ, обращающийся к истории с целью обоснования истинности своих взглядов. Именно так будут описывать древнюю философию средневековые мыслители-теологи, фактически стирая границы между историей богословского и философского знания. Несмотря на все философские новации, вплоть до XVIII в. такой подход к истории философии в целом остается неиз-

менным: эталоном, определяющим ее развитие, выступают или христианская истина, или истинная философская система автора¹. И в том, и в другом случае сам историко-философский процесс не становится предметом осмысления, ибо не имеет самостоятельной ценности; философия в ее истории понимается как некий подручный материал для выполнения работы по созданию/открытию подлинного знания.

Наряду с философами делом исторического описания философского знания на протяжении веков занимались и не философы, а любители-наблюдатели, увлеченные сбором интересных, общественно значимых «культурных историй» (идей, событий, фактов и др.). Труд Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» является ярким примером такого рода истории. Тот факт, что все десять книг Диогена, жившего в первой половине III в., сохранились и дошли до нас, говорит и о популярности его труда, и о приобретенном уже в античности статусе образца жанра, и сегодня, по прошествии веков, пользующегося неизменным успехом.

И хотя в XVII в. появляются работы, посвященные истории философии², предметом специального осмысления она становится лишь в XVIII в. Очевидно, что это происходит по целому ряду причин, среди которых одним из значимых факторов выступает процесс профессионализации философии, становящийся особенно интенсивным к концу XVIII века³. Прежде всего, преподавание философии в университетах требует исторического введения в предмет, что делает необходимым определение истории философии как дисциплины со своими целями и задачами и создание учебных руководств, с выработанным терминологическим аппаратом, классификационными схемами и методами. Например, в качестве такого рода труда выступает «Всеобщая история философии для использования в академических лекциях» (1788), написанная немецким философом, филологом и теологом, учителем Ф. Шлейермахера, И. А. Эберхардом (1739–1809). В этой работе он предлагает ставшее позднее общепринятым деление античной философии на два основных периода – «досократовскую

¹ Имея в виду такого рода подход, И. Кант в «Пролегоменах» напишет: «Есть ученые, для которых история философии (как древней, так и новой) есть сама их философия» [6, с. 69].

² Английский поэт и учёный Томас Стэнли (1625–1678) написал первую «Историю философии» на английском языке, изданную в трех томах в 1655–1661 гг., в это же время выходит работа голландского филолога Герхарда Фосса (1577–1649) «О философии и школах философов» (1658).

³ О значении процесса профессионализации философии на примере немецких университетов см. статьи М. Р. Демина [4; 5].

философию» (*die vorsokratische Philosophie*) и «сократовскую философию» (*die Sokratische Philosophie*) [11, с. 381].

Другим следствием профессионализации философии можно назвать возникновение, в частности, в Германии во второй половине XVIII в. острой профессиональной конкуренции, причем конкуренции не только философов, но и философских программ. В этой ситуации трудно говорить о какой-либо философской системе как истинном и единственном эталоне, уже имеющемся в наличии. Многие философы осознают необходимость создания такого эталона (примером здесь может служить критическая философия И. Канта). Необходимым условием такой работы должна была стать и становится работа с историческим философским знанием, его критическая ревизия, получившая название критической истории философии. Одним из первых в Германии этот труд был выполнен Иоганном Якобом Брукером (1696–1770), создавшим пятитомную «Критическую историю философии от сотворения мира до наших дней» (1742–1744), спустя четверть века переизданную (2-е изд., 1767) и сохранявшую свою актуальность в течение столетия¹.

Звучащие в конце XVIII в. обвинения в адрес всей прежней философии, призывы к ее радикальному обновлению и замене устаревшей, непригодной к развитию формы другой, новой, не могли не вызвать длительных дискуссий о природе философского знания, о роли философии, о соотношении философии с ее собственной историей и статусе этой истории. Одним из инициаторов и активным участником дискуссии был И. Кант, утверждавший в Предисловии к «Метафизике нравов» (1797), что «до появления критической философии не существовало никакой философии» [7, с. 113], т. е. никакой философии в точном смысле этого слова. Поэтому вся предшествующая философия и ее история есть лишь набор случайных мнений. Подлинную философию и ее историю еще предстоит создать. В посмертно опубликованных философских заметках Кант формулирует концепцию истории философии как «археологии разума» (или как «априорной истории философии»): «Философская история философии сама по себе возможна не как историческая или эмпирическая, а

¹ Автором первой истории философии на французском языке был Андре Франсуа Буро Деланд (1689/90–1757). Его трехтомная «Критическая история философии» (1637) должна была защитить философию от обвинений в бесполезности, показывая, что лишь невежество побуждает отвергать то, чего не понимают [8, с. 163]. Деланд выступил и в роли популяризатора философии, написав в жанре античных доксографов популярное и многократно переиздаваемое сочинение «Размышления о великих людях, умерших при курьезных обстоятельствах» (1732) См.: <http://www.biograpedia.ru/node/636>

как рациональная, т. е. a priori. Ибо если она имеет дело с фактами разума, то она заимствует их не из исторического повествования, но – как философская археология – извлекает их из природы человеческого разума»¹.

Ту же мысль мы встречаем у одного из последователей Канта Карла Леонарда Рейнгольда, выступившего в 1791 г. с программной статьей «О понятии истории философии»². В ней он пишет о необходимости создания принципиально новой истории философии, отличающейся от истории человеческого духа, истории отдельных наук, равно как и от биографий отдельных философов. Ее опорой должно служить новое понятие философии, которое еще только предстояло создать и которое позволяло бы извлекать «философский смысл» из собрания исторических документов.

Как показывает В. Куренной, именно в рамках этих дискуссий возникает философия истории философии и формулируется «устойчивое противопоставление “философской”, методологически самостоятельной, и “нефилософской” истории философии» [9, с. 96–98]. Теперь авторы многочисленных историй философии не могут не определять своего понимания истории философии, предваряя изложение историко-философского материала теоретико-методологическим введением. В частности, такое введение, раскрывающее понятие, объем, метод, ценности истории философии появляется в «Очерке истории философии» (1812) В. Г. Теннемана, автора одной из самых влиятельных и популярных «Историй философии» (11 томов выходили в период с 1798 по 1819 г.).

Гегель обращается к истории философии на протяжении практически всей своей педагогической деятельности, читая лекции по истории философии в Йене (1805–1806), Гейдельберге (1816–1818) и Берлине (1819–1830)³. Можно только выразить сожаление, что в нашем распоряжении нет всего объема подготовленных Гегелем материалов, что позволило бы заглянуть в творческую лабораторию мыслителя. Читая лекции в Берлинском университете, Гегель оказывается в эпицентре споров о природе философии и статусе истории философии и демонстрирует глубоко продуманную концепцию, являющуюся результатом многолетней работы.

¹ Цит. по [9, с. 96].

² Статья Рейнгольда открывала изданный Г. Г. Фюллеборном сборник работ по истории философии, показывающий, сколь напряженной была развернувшаяся дискуссия о природе историко-философского знания [9, с. 96 и далее].

³ Подробнее о преподавании Гегелем истории философии см.: [15, с. 100–103].

Работая над обширным Введением в свою историю философии, Гегель считает необходимым решить три задачи: во-первых, раскрыть сущность истории философии, ее значение и цели, что позволит ясно сформулировать свое понимание наиболее дискуссионного вопроса об отношении истории философии к философии; во-вторых, установить понятие самой философии, чтобы объяснить, что должно быть выделено в качестве философии из бесконечного материала и многообразных сторон духовной культуры народов; и наконец, определить характер общего обзора хода этой истории и ее деление на необходимые периоды, что должно показать историю философии как науку [2, с. 73–74].

Свою концепцию истории философии Гегель полагает философской и противопоставляет ее «обычной», нефилософской, ненаучной и потому «бессодержательной» истории философии. Авторов многочисленных многотомных ученых историй философии он сравнивает с животными, которые хотя и слышат звуки музыкального произведения, но не способны уловить их гармонию [2, с. 67]. По мнению Гегеля, такие истории представляют лишь ряд мнений, заблуждений, проявлений игры мысли и эрудиции, хотя и претендуют на беспристрастность изложения. Как показывает Гегель, такая беспристрастность иллюзорна, ибо без истинного знания философии невозможно истинное толкование учений прошлого: «наблюдатель должен обладать заранее понятием предмета для того, чтобы иметь возможность разглядеть это понятие в явлениях предмета». В противном случае такие историки как Бруккер, Риттер и др., не понимая прошлого, лишь модернизируют его, ибо, как пишет Гегель, «велик соблазн перечеканить древних философов в нашу форму рефлексии» [2, с. 103].

Во многом следуя за Кантом, предложившим подход к истории исходя из «природы человеческого разума», Гегель утверждает историю философии, как и саму философию, в качестве науки¹. Наука для Гегеля – это развивающаяся система, части которой необходимо связаны между собой, и приобретают ценность лишь через отношение к целому, причем «ни к чему это так не относится, как к философии и затем к ее истории» [2, с. 73]². Гегель неоднократно подчеркивает, что именно понимание истории философии как органически прогресси-

¹ Об историко-философской концепции Гегеля в контексте его философских воззрений в целом см. [12].

² Ср.: «Философия ... есть развивающаяся система, и такова также история философии; это – ... основной пункт» [2, с. 91].

рующего целого, разумным образом связанного, есть научное, или иначе, философское понимание. В этом случае история философии не только «изображает лишь внешнее, происшедшее, события, составляющие содержание, а изображает, каким образом историческое содержание само входит в науку философии» [2, с. 73].

Таким образом, Гегель приходит к важному выводу об истории философии как единстве логического и исторического. Это означает, что «последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи» [2, с. 92]. Он пишет:

«Я утверждаю, что, если мы освободим основные понятия, выступавшие в истории философских систем, от всего того, что относится к их внешней форме, к их применению к частным случаям и т. п., если возьмем их в чистом виде, то мы получим различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии. Если, наоборот, мы возьмем логическое поступательное движение само по себе, мы найдем в нем поступательное движение исторических явлений в их главных моментах; нужно только, конечно, уметь распознавать эти чистые понятия в содержании исторической формы» [2, с. 92–93].

Собственно задача Гегеля как историка философии и заключалась в том, чтобы распознать понятия в исторической форме и тем самым определить существенные этапы исторического движения философии, постигающей бытие как сознание, которое в самом себе осуществляет движение к абсолютному знанию. Как делает вывод Гегель, «вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей a priori» [2, с. 98]. Как целостная система она не допускает уничтожения ни одной из своих частей. Это означает, что все созданные в прошлом философские системы продолжают существовать как моменты одного целого.

История философии оказывается включенной в процесс развития абсолютного духа, являющего себя в истории в качестве «мирового духа». Философия предстает как порождение определенного духа времени (*Zeitgeist*), как выражение духа своей эпохи, «духа народа» (*Volksgeist*). Это, в свою очередь, дает Гегелю возможность показать ограниченность каждой из возникающих во временной последовательности систем, ибо «всякая система философии есть философия своей эпохи; она представляет собою звено всей цепи духовного развития; она может, следовательно, удовлетворять лишь те интересы,

которые ответственны ее эпохе» [2, с. 105]. Утверждая принцип историзма в историко-философском исследовании, Гегель писал:

«Нужно знать, чего мы должны искать у древних философов или в философии всякой другой определенной эпохи, или, по крайней мере, нужно знать, что в такой философии мы имеем перед собою определенную ступень развития мысли и в ней осознаны лишь те формы и потребности духа, которые лежат в пределах такой ступени» [2, с.107].

Будучи выражением своей эпохи каждая из систем ограничена ею и будет отвергнута с наступлением нового времени, но сохранится в качестве принципа как часть единой науки философии и только так она может быть правильно понята. Предложенный подход позволяет Гегелю в определенной степени достичь компромисса между методологическим историзмом, обосновывающим необходимость исторической работы с конкретным материалом, и априоризмом и телеологизмом собственной позиции, ограничивающей историзм исключением всякой случайности из историко-философского процесса. В этом случае история философии, написанная Гегелем, должна рассматриваться в качестве истинной и единственной историей философии.

Софисты, Сократ и сократики

Лишив историко-философской процесс случайности и имея перед своими глазами всеобщее, Гегель как историк философии претендовал на абсолютные истинные оценки учений всех тех философов, которых он вывел на историческую сцену, будь то его современник Кант или древний Гераклит: благодаря «своему отношению к некоему всеобщему и своей связи с ним», все они заняли определенные места, где обрели истинную ценность и значение.

Если судить по тому вниманию, которое в своих лекциях Гегель уделял греческой философии, посвящая ей более двух третей читаемого семестрового курса по истории философии, именно ее он более всего ценил, чувствуя себя в Греции слово в родном доме¹. В истории греческой философии Гегель выделил три периода: первый период – «От Фалеса до Аристотеля», второй – «Догматизм и скептицизм», третий – «Неоплатоники». Наиболее объемным из них был второй период, разделенный Гегелем на три отдела: первый – «От Фалеса до Анаксагора», второй – «От софистов до сократиков», третий – «Платон и Аристотель». Такое трехчастное деление отражало особенности диалектического развития духа, когда полагаемое утверждение сме-

¹ Введение в греческую философию Гегель начинает словами: «При упоминании Греции образованный европеец, и в особенности мы, немцы, чувствуем, как будто очутились в родном доме» [2, с. 185].

няется его отрицанием, а итогом двух первых ступеней выступает синтез, состоящий в возвращении к первоначальному утверждению с удержанием всего положительного, что было достигнуто в ходе его отрицания. Собственно, такое понимание развития и приводило Гегеля к мысли о том, что «процесс развития есть процесс все большего и большего определения, а последнее есть углубление идеи в самое себя и ее самопостижение» [2, с. 101–102]. Применительно ко всей греческой философии это означало, что неоплатонизм есть ее наиболее развитая, богатая и глубокая форма греческой философии, содержащая все казалось бы отошедшее в прошлое. Та же интерпретационная модель определяла закономерности развития в рамках отдельных периодов. Период «от софистов до Сократа» был закономерен как необходимое отрицание, дающее возможность совершиться синтезу в системах Платона и Аристотеля.

Независимо от нашей оценки методологии Гегеля, можно говорить о значительном влиянии его исследования¹, которое обратило внимание историков философии на неоплатонизм и в частности на философию Прокла, вызвало интерес к софистам, Сократу и сократикам, определив место, а следовательно и значение, этих мыслителей, чьи учения составили, по мысли Гегеля, самостоятельный этап в развитии греческой мысли.

Современные исследователи античной философии признают заслугу Гегеля в «оправдании» софистов² – в отказе от их осуждения вслед за Платоном и Аристотелем и в утверждении необходимости «рассматривать софистику с положительной, собственно научной стороны» [3, с. 8]. Именно софисты как родоначальники просвещения Греции обнаруживают субъективную деятельность мышления – впервые «в объективную целостность существенно входит также и мыслящий субъект» [3, с. 5], открывая «эпоху субъективной рефлексии», что позволяет Гегелю считать их «глубокими мыслителями». Иначе говоря, софисты устанавливают принцип субъективности, согласно которому восприятие и мышление детерминируются воспринимающим и мыслящим субъектом. Однако «я» есть единичное и еще не есть рефлексированное в себя всеобщее, оно понимается в смысле единичного, противоположного объективному и, следовательно, в смысле случайного, незаконного произвола [3, с. 34].

¹ Как писал Гегель, «главная заслуга учителя всегда и заключается в том, что он дает большой толчок самостоятельной работе мысли» [3, с. 84].

² В частности, это делает Люк Бриссон [1, с. 97–99].

Субъективная деятельность мышления может быть двоякого рода: либо «я» является в отношении определения существенным, т. е. делает само себя и свои интересы своим содержанием; либо содержание определяется как совершенно всеобщее. В первом случае речь идет о софистике, во втором – о Сократе. Гегель очень высоко оценивает Сократа, видя в нем «не только в высшей степени важную фигуру в истории философии и, может быть, самую интересную в древней философии, а также и всемирно-историческую личность» [3, с. 34]. По Гегелю, в форме философской мысли Сократа осуществился «главный поворотный пункт духа» – обращение его к самому себе, открытие объективного и всеобщего в нем самом. Взамен указания дельфийского бога Сократ установил принцип: человек должен смотреть в себя, чтобы знать, что есть истина. Таким образом, место оракула теперь заняло собственное самосознание каждого мыслящего человека [3, с. 74]. Однако философия Сократа, по Гегелю, еще не представляла собою умозрительной философии в собственном смысле; она оставалась индивидуальным деянием, хотя и ставила себе цель свершить это индивидуальное деяние как общезначимое [3, с. 39].

Рассмотрением сократиков и сократических школ Гегель завершает анализ данного периода, что и определяет место этих мыслителей в поступательном движении философии. Из среды сократиков Гегель выделяет две группы: к первой группе он относит тех, кто придерживался совершенно строго непосредственной манеры Сократа и не пошел «ни на шаг дальше» (Ксенофонт, Эсхин, Федон, Симон). Эти друзья Сократа не представляют философского интереса. Другая группа сократиков – представители трех школ: Мегарской, Киренской и Кинической. Каждую из них Гегель детально анализирует, видя их значение в том, что они пошли дальше Сократа.

После софистов и Сократа невозможно было говорить о сущем и существенном, не прибавляя момента достоверности самого себя. Если самосознание для Сократа выступало как для-себя-бытие и ставило бытие на другую сторону, то в учениях сократиков, осознавших это различие, утверждается их единство. Это единство, будучи результатом синтеза, есть знаемое, истинное, или иначе, всеобщее, которое Гегель понимает как единство субъективного и объективного. Характеризуя время сократиков, Гегель пишет: «мы больше уже не видим, чтобы спрашивали и отвечали на вопрос, что такое природа, а спрашивают и отвечают на вопрос, что такое истина» [3, с. 86]. Впервые ставится вопрос об отношении мышления к бытию или всеобщего к единичному¹.

¹ Возможно, не без влияния Гегеля высокую оценку сократиков мы находим в «Истории древней философии» С.Н. Трубецкого [14, с. 293–295].

В качестве отличительной черты непосредственно следующего за Сократом философского периода Гегель отмечает изменение предмета философии: с одной стороны, таким предметом становятся осознаваемые противоречия сознания (это происходит прежде всего в Мегарской школе), с другой стороны, – впервые в качестве предмета философии выступает сама философия как познающая наука. Для Гегеля это означает, что «мир поднимается в царство сознательной мысли и последняя становится предметом познания». Анализируя гегелевские трактовки, можно прийти к выводу, что сократики завершили период становления субъективности, представив субъективное и объективное в качестве особенных, лишь в единстве составляющих всеобщее, или науку. По мысли Гегеля, дальнейшее движение философии к научности продолжит Платон, завершит Аристотель.

Таким образом, Гегель – это один из немногих историков философии, который не просто изложил учения сократических школ, но и определил место и значение сократиков в истории философии как самостоятельных и оригинальных мыслителей. Однако специальный интерес к ним со стороны историков античной философии не был проявлен. И это, в первую очередь, было связано с отказом от признания историко-философской концепции Гегеля, в рамках которой сократики получили его высокую оценку.

Критика априоризма и телеологизма Гегеля, стремление, опираясь на исторические источники, избежать чисто умозрительных построений вело к пересмотру целого ряда положений истории философия Гегеля и формированию новых программных установок. Эдуард Целлер, один из наиболее влиятельных историков античной философии, автор фундаментального исследования «Философия греков», шесть томов которого составили около шести тысяч страниц, в своей программной статье «История философии, ее цели и пути» (1888) писал:

«Непреходящая заслуга Гегеля состоит в том, что он более настойчиво, чем кто-либо до него, указывал на закономерную взаимосвязь исторических явлений... Но неверно и обманчиво было бы понимать всякую взаимосвязь как чисто логическую и провозглашать принцип, в соответствии с которым последовательность философских систем тождественна последовательности логических категорий и может быть подобно им обнаружена с помощью диалектической конструкции» [17, с. 107].

Реализация предложенной Целлером новой исследовательской программы истории философии [9], привела к изменению места софистов и сократиков в истории греческой мысли. В частности, софисты были отнесены Целлером к досократовскому периоду, завершая

его (именно так до сих пор, несмотря на ведущиеся дискуссии, понимается место софистов). Следующий период представили три ключевые фигуры – Сократ, Платон, Аристотель, составившие классическую греческую философию¹. Конечно, сократики не исчезли со страниц истории философии, однако уже Целлер не сохранил за ними самостоятельного значения. В этом отношении показательным названием посвященного сократикам параграфа в «Очерке истории греческой философии» – «Менее значительные сократические школы». Такой статус закрепился за сократиками на более чем столетие.

Сегодня можно говорить о возрождении интереса к сократикам и сократическим школам, о чем свидетельствуют, в частности, прошедшие в 2011–2014 годах в различных странах международные конференции, посвященные различным аспектам философии сократиков. Уже само название выпущенного в 2015 г. по материалам конференций сборника – «От сократиков к сократическим школам. Классическая этика, метафизика и эпистемология» [18] говорит об обширном пространстве для новых исследований.

Список литературы

1. Бриссон Л. Софисты // Греческая философия: в 2 т. Т. 1. / пер. с фр.; под ред. М. Канто-Спербер. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. – С. 97–134.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 1992.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. – СПб.: Наука, 1994.
4. Демин М. Р. Немецкий университет XIX века и процесс дисциплинарной специализации философии // Логос. Философско-литературный журнал. – М., 2013. – Т. 91. – № 1. – С. 240–261.
5. Демин М. Р. Профессионализация немецкой философии: от корпоративной автономии к академической свободе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 186–196.
6. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике могущей возникнуть в смысле науки // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 67–209.
7. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 107–438.
8. Кротов А. А. «Смерть» философии? (О концепции Ж.-Ф. Ревеля) // Философский журнал. – М., 2016. – Т. 9. – № 3. – С. 162–174.

¹ В «Очерке истории греческой философии» (1883) Целлер представляет тот же порядок изложения греческой философии, что и в «Философии греков». О структуре «Философии греков» см.: [13].

9. Куренной В. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. Философско-литературный журнал – М., 2006. – Т. 52. – № 1. – С.89–102.
10. Мочалова И. Н., Харитоновна М. Е. История зарубежной философии: учеб.-метод. пособие. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012.
11. Райхерт К. В. Андрэ Лакс: «Досократики» как термин историографии античной философии // ΣΧΟΛΗ. – Новосибирск, 2013. – Т. 7.2. – С. 374–384.
12. Сергеев К. А., Перов Ю. В. Гегелевская история философии в контексте новоевропейской метафизики // Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 2006. – С. 5–61.
13. Солопова М. А. Эдуард Целлер: очерк истории жизни // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 88–96.
14. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии / под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: ВЛАДОС; Русский двор, 1997.
15. Фишер К. История новой философии. Т. VIII. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. – М.-Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933.
16. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С. Л. Франка. – СПб.: Алетейя, 1996.
17. Целлер Э. История философии, ее цели и пути / пер. М. Вырской // Логос. – М., 2006. – Т. 52. – № 1. – С. 103–108.
18. From the Socratics to the Socratic Schools Classical Ethics, Metaphysics and Epistemology / Ed. by Ugo Zilioli. – NY: Routledge, 2015.